

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3210](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210)

З. Е. Дорофеева, П. М. Козырева, М. С. Косолапов, Е. И. Тонис

**РОССИЙСКИЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НИУ ВШЭ:
ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Правильная ссылка на статью:

Дорофеева З. Е., Козырева П. М., Косолапов М. С., Тонис Е. И. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: особенности методологии, принципы организации, исследовательские возможности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 40—64. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210>.

For citation:

Dorofeeva Z. E., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Tonis E. I. (2026) Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE): Methodological Features, Organizational Principles, Research Opportunities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 40—64. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210>. (In Russ.)

Получено: 03.12.2025. Принято к публикации: 12.01.2026.

РОССИЙСКИЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НИУ ВШЭ: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

RUSSIAN LONGITUDINAL MONITORING SURVEY — HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RLMS-HSE): METHODOLOGICAL FEATURES, ORGANIZATIONAL PRINCIPLES, RESEARCH OPPORTUNITIES

ДОРОФЕЕВА Злата Евгеньевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
 E-MAIL: zdorofeeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2099-624X>

Zlata E. DOROFEEVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.)*, Research Fellow, Centre for Longitudinal Studies of Institute for Social Policy; Senior Research Fellow, Center for the Study of Adaptation Processes in a Changing Society
 E-MAIL: zdorofeeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2099-624X>

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; заведующая Центром лонгитюдных обследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
 E-MAIL: pkozyreva@isras.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

Polina M. KOZYREVA^{2,1} — *Dr. Sci. (Soc.)*, Deputy Director for Research; Head of Centre for Longitudinal Studies
 E-MAIL: pkozyreva@isras.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

КОСОЛАПОВ Михаил Самуилович — кандидат философских наук, руководитель Центра методологии социологических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
 E-MAIL: mkosolapov@isras.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0314-9372>

*Mikhail S. KOSOLAPOV*² — *Cand. Sci. (Philos.)*, Head of Center for Sociological Research Methodology
 E-MAIL: mkosolapov@isras.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0314-9372>

ТОНИС Елена Игоревна — научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
 E-MAIL: ea163100@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-5569-7927>

*Elena I. TONIS*² — Research Fellow, Center for the Study of Adaptation Processes in a Changing Society
 E-MAIL: ea163100@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-5569-7927>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена специфике методологии, принципам организации и исследовательским возможностям Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Описаны структура выборки, ее дизайн, динамика размера, в том числе связанная с увеличением и уменьшением выборки. Особое внимание уделено особенностям формирования панельной части выборки, в частности вопросу выбывания респондентов в ходе проведения обследования в течение 30 лет. Показано, что механизмы этого процесса неслучайны, систематически одни группы покидают панель активнее, чем другие. Например, доля мужчин, выбывающих из исследования, стабильно выше, чем доля женщин. Возраст также является значимым фактором — полнее всего «сохранилась» в выборке возрастная группа тех респондентов, кому в 1994 г. было от 31 до 45 лет. Также среди тех, кто принимает участие в обследовании 25 лет и более, с большей вероятностью оказываются жители сел. В качестве примера для борьбы со смещением выборки рассматривается один из наиболее распространенных и доступных методов — взвешивание данных. При этом контроль выборочных ошибок РМЭЗ НИУ ВШЭ показывает, что в репрезентативных выборках каждой отдельной волны смещения достаточно незначительны. Приведенные в статье примеры исследований, использующих панельную составляющую данных, а также широкий набор социально-экономических показателей, показывают неисчерпаемые возможности РМЭЗ НИУ ВШЭ, в том числе в сфере междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: РМЭЗ НИУ ВШЭ, лонгитюдные обследования, репрезентативность данных, панельные данные, осыпание панели, смещение выборки

Abstract. The article examines the methodology, organizational principles, and research potential of the «Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE (RLMS-HSE)». It describes the sample structure, its design features, and size dynamics, including expansion and reduction of the sample. The article focuses on the formation of the pure panel part of the sample, with special emphasis on respondent attrition across the 30-year survey period. It is shown that the mechanisms of this process are not random; certain groups systematically leave the panel more actively than others. For instance, the proportion of men leaving the study is consistently higher than that of women. Another significant factor is age; the age group most "retained" in the sample consists of respondents who were between 31 and 45 years old in 1994. Rural residents are more likely to be among those participating in the survey for 25 years or longer. Weighting as one of the most common and accessible methods is considered as an example for correcting sample bias. Meanwhile, the analysis of sampling errors in RLMS-HSE shows that bias in representative samples of each consecutive round is minor. The article presents examples of studies using the panel component of the data along with the broad set of socio-economic indicators and demonstrate the extensive potential of RLMS-HSE, including its applications in the field if interdisciplinary research.

Keywords: RLMS-HSE, longitudinal surveys, data representatives, panel data, panel attrition, sample bias

Благодарность. В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. This article presents results of several research projects implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

Лонгитюдные исследования занимают особое место в методологии целого ряда наук — социологии, экономики, психологии, эпидемиологии и других, существенно расширяя возможности познания тех или иных явлений. Методологический подход, применяемый в лонгитюдных исследованиях, предполагает изучение одних и тех же объектов (например, индивидов или домохозяйств) в течение времени. В отличие от повторяющихся кросс-секционных исследований, в которых фиксируются статичные показатели объекта в определенный момент, лонгитюдные исследования дают возможность отслеживать динамику, устанавливать закономерности во времени, а также получать более обоснованные выводы о причинно-следственных связях различных явлений. Несмотря на значительные сложности (высокая стоимость, необходимость долгосрочного стабильного финансирования и организации, проблема «осыпания» выборки), лонгитюдные исследования остаются «золотым стандартом» для проверки гипотез о развитии и изменениях, а их результаты имеют существенную практическую значимость, формируя надежную верифицируемую доказательную базу как для теоретических моделей, так и для принятия практических решений.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, проводимый ежегодно с 1994 г. (за исключением 1997 и 1999 гг.), представляет собой лонгитюдное обследование на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. Такая структура выборки позволяет одновременно обеспечивать репрезентативность исследуемой совокупности в каждой отдельной волне и возможность проведения панельного анализа. Особенности формирования выборки во многом обусловлены длительным характером исследования и его лонгитюдной природой. В качестве единиц отбора выступают не конкретные домохозяйства, а жилища, в которых они проживают на момент обследования [Kozyreva, Kosolapov, Popkin, 2016]. В случае проживания нескольких домохозяйств в одном жилище на момент первого опроса интервьюер, согласно специальной инструкции, случайным образом отбирает лишь одно из них для участия в обследовании.

Изначальный размер выборки был установлен на уровне 4 000 домохозяйств, в которых было опрошено более 11 000 индивидов. В 2006 г. во всех регионах выборка была дополнена новыми адресами (см. рис. 1) для компенсации потерь из-за недостижимости и дополнения выборки новыми жилищами, построенными в период с 1994 г. по 2006 г. В 2010 г. финансирование обследования полностью взял на себя Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», проект получил новое название — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), а размер выбор-

ки увеличился в полтора раза — до 6000 домохозяйств. Затем, в 2014 г., в связи с сокращением финансирования объем репрезентативной выборки был несколько сокращен: с 2014 г. до 2024 г. он составлял примерно 4800 домохозяйств.

Важно отметить, что дизайн выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ обеспечивает репрезентативность данных обследования для Российской Федерации в целом, при этом регион как единица отбора отсутствует на всех ступенях многоступенчатого вероятностного отбора за исключением трех регионов (Москва, Московская область и Санкт-Петербург), доля которых в выборке изначально установлена равной доле каждого из этих регионов среди всего населения РФ. В связи с этим, а также в силу ограниченного объема наблюдений в каждом из регионов эти данные не могут быть репрезентативны для анализа на уровне какого-либо отдельного региона.

Рис. 1. Динамика числа опрошенных домохозяйств

Массив каждой волны (за исключением первой) состоит из информации о домохозяйствах и членах этих домохозяйств¹, которые проживают по отобранным в репрезентативную выборку адресам, и данных тех домохозяйств, которые ранее были опрошены² в составе репрезентативной выборки, но сменили место жительства к началу новой волны и в эту волну опрошены по новому адресу. Интервьюерам строго запрещено произвольно выбирать для опроса семьи, не проживающие по перечисленным в списке адресам. Если домохозяйство, опрошенное в обследовании ранее, разделяется на два или более, в массив опрошенных попадают все те домохозяйства из опрошенных ранее, в составе которых есть хотя бы один член ранее опрошенной семьи, а также все новые члены семьи, ко-

¹ Домохозяйство (семья) определяется как люди, проживающие совместно и имеющие общие доходы и расходы.

² Домохозяйство считается ранее участвовавшим, если в нем есть хотя бы один опрошенный ранее человек.

торые, возможно, присоединились к этим домохозяйствам после раздела. Домохозяйства, проживающие по адресам репрезентативной выборки, остаются в репрезентативной выборке. Те, кто переехал на новый адрес, опрашиваются на новом адресе вне репрезентативной выборки. Один и тот же человек не может быть опрошен в разных домохозяйствах в рамках одной волны.

Правила в отношении переехавших семей сформировались не сразу: в волнах 1995 и 1996 гг. их опрос осуществлялся экспериментально в большинстве регионов, а начиная с 1998 г. были введены четкие инструкции по поиску переехавших семей. Доля переехавших и разделившихся домохозяйств постепенно росла и в 2002 г. превысила четверть от общего числа, после чего оставалась достаточно стабильной, не превышая порога 32%. Несмотря на то что новые адреса таких домохозяйств не входят в репрезентативную выборку, они легитимны для включения в панельный анализ.

На вопросы семейной анкеты отвечает человек, которому лучше других известны дела и заботы семьи, ее доходы и расходы. Индивидуальные вопросники адресованы всем членам домохозяйства: респондентам 14 лет и старше задают вопросы из анкеты для взрослых, на вопросы анкеты для детей отвечает только взрослый член семьи — тот, который в основном ухаживает за этим ребенком и знает о нем все. Базовая информация обо всех членах домохозяйства (имя³, пол, дата рождения⁴, родственные связи) фиксируется в семейной анкете; в случае невозможности по каким-либо причинам опросить кого-либо из проживающих по данному адресу в карточке домохозяйства отмечается причина отсутствия индивидуального вопросника. Заполнение индивидуального вопросника для взрослых членов домохозяйства со слов других членов семьи, как и передача анкет респонденту для последующего самостоятельного ее заполнения, запрещено. По возможности интервью проводится интервьюером наедине с респондентом, однако жилищная и семейная ситуация не всегда позволяют найти место и время для общения респондента и интервьюера без присутствия других людей. По завершении беседы интервьюер фиксирует ситуацию прохождения интервью. Данные показывают, что присутствие нечленов домохозяйства отмечается редко (0,7—3,3%), а ситуации, когда хотя бы некоторое время присутствовал кто-то еще из членов домохозяйства, распространены достаточно широко — такое происходит примерно в половине случаев. Однако в последние годы этот показатель постепенно снижается: в 2024 г. таких случаев было 35,1%. Эта информация может быть важна для исследователей, например, при анализе ответов на сенситивные вопросы.

График динамики опрошенных респондентов повторяет тренд по домохозяйствам (см. рис. 2). Средняя доля опрошенных респондентов внутри домохозяйств составляет 96%.

³ Поскольку исследование носит анонимный характер, фиксируемые в бланке домохозяйства имя и отчества респондентов не распространяются в данных, сбор этой информации необходим только для идентификации респондентов во время следующих визитов интервьюера.

⁴ В целях анонимности публикуемые файлы данных не содержат информацию о дне и месяце рождения респондентов, исключение сделано только для респондентов до 14 лет: по ним предоставляется информация о месяце рождения, поскольку для ряда исследовательских задач это может играть важную роль.

Рис. 2. Динамика числа опрошенных респондентов

Продолжительность участия в обследовании и «осыпание» панели

Из опрошенных в 2024 г. 8,7 % домохозяйств и 4,7 % индивидов приняли участие во всех 29 волнах обследования. При этом, как видно из таблицы 1, порядка 70 % домохозяйств и 60 % индивидов участвовали в десяти и более волнах.

Таблица 1. Уровень и продолжительность участия домохозяйств и индивидов в обследовании (1994—2024 гг.), включая разделившиеся и переехавшие домохозяйства

Количество волн	Индивиды			Домохозяйства		
	%	С накоплением по волнам		%	С накоплением по волнам	
		%	Количество		%	Количество
Все 29 волн	4,7	4,7	788	8,7	8,7	579
28 волн	1,8	6,5	1098	3,2	11,9	792
27 волн	1,5	8,0	1343	2,3	14,2	948
26 волн	1,7	9,6	1624	2,5	16,7	1118
25 волн	1,6	11,2	1892	2,1	18,8	1255
24 волн	1,4	12,6	2126	1,9	20,7	1384
23 волн	1,3	13,9	2345	1,7	22,5	1500
22 волн	1,3	15,2	2567	1,6	24,0	1606
21 волна	1,4	16,6	2796	1,6	25,7	1715
20 волн	1,0	17,6	2972	1,2	26,9	1795
19 волн	3,5	21,1	3564	4,6	31,5	2103
18 волн	2,1	23,2	3920	2,0	33,5	2239
17 волн	1,9	25,1	4238	1,9	35,4	2367
16 волн	1,7	26,8	4523	1,6	37,0	2471
15 волн	5,7	32,5	5491	6,7	43,7	2921
14 волн	6,4	38,9	6567	7,1	50,8	3394
13 волн	5,6	44,5	7505	6,1	57,0	3804

Количество волн	Индивиды			Домохозяйства		
	%	С накоплением по волнам		%	С накоплением по волнам	
		%	Количество		%	Количество
12 волн	5,9	50,4	8507	5,4	62,4	4166
11 волн	4,2	54,5	9209	3,3	65,7	4385
10 волн	5,0	59,5	10050	4,2	69,8	4663
9 волн	4,0	63,5	10724	2,7	72,5	4840
8 волн	3,4	67,0	11306	2,7	75,2	5023
7 волн	3,7	70,7	11939	2,7	77,9	5205
6 волн	3,5	74,2	12525	2,5	80,4	5372
5 волн	4,0	78,2	13202	3,3	83,8	5594
4 волн	3,6	81,8	13813	2,7	86,5	5775
3 волн	6,8	88,6	14961	4,8	91,3	6097
2 волн	3,8	92,4	15607	2,5	93,8	6265
1 волна	7,6	100	16882	6,2	100	6679

Нередко задачи лонгитюдного анализа предполагают фиксацию показателей в двух временных точках, например, соседних волнах или с разницей в пять или десять лет (см. табл. 2). Доля индивидов, участвовавших в двух и более волнах подряд, в среднем составляет 84,5%, а после увеличения выборки в 2010 г. — 87,8%. Участие в волнах с разницей пять лет — 55,6% (в последних пяти волнах этот показатель в среднем составляет 70,1%), с разницей в десять лет — 33,8% (в последние пять волн — 46,9%). Сохранение значительной доли участников на протяжении нескольких волн открывает широкие возможности для анализа волатильности показателей, траекторий и переходов, построения жизненного пути, мобильности, оценки последствий событий, в том числе долгосрочных.

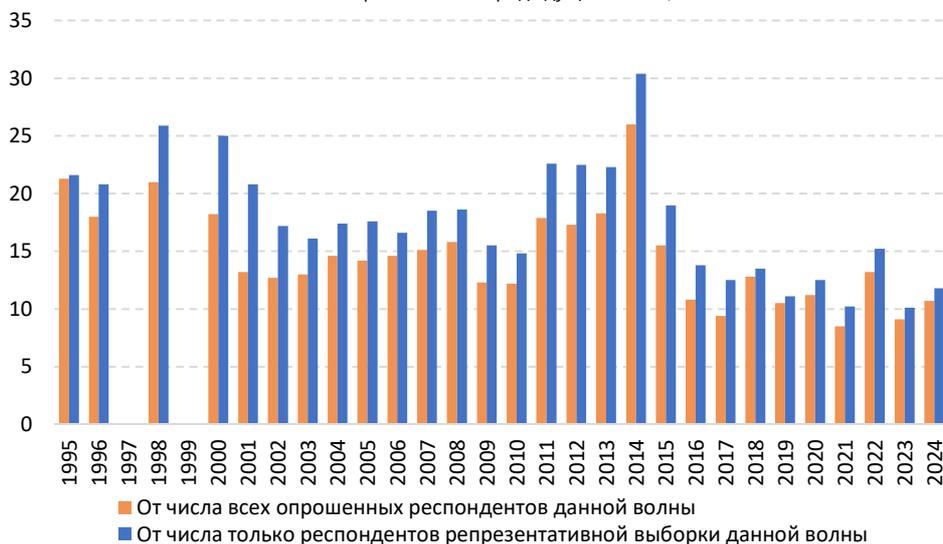
Таблица 2. *Динамика доли индивидов, участвовавших минимум в двух волнах с разницей в одну, пять и десять волн (1994—2024 гг.)*

Год	Доля индивидов, участвующих в данной волне и в предыдущей волне	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 5 волн назад	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 10 волн назад
1994	0,0	0,0	0,0
1995	83,3	0,0	0,0
1996	83,5	0,0	0,0
1998	77,4	0,0	0,0
2000	79,5	0,0	0,0
2001	78,6	41,6	0,0
2002	84,5	46,5	0,0
2003	86,1	48,5	0,0
2004	85,5	52,6	0,0
2005	88,7	58,1	0,0
2006	71,1	51,5	23,2
2007	86,0	53,2	27,2
2008	87,0	54,6	29,7
2009	87,9	56,5	34,1

Год	Доля индивидов, участвующих в данной волне и в предыдущей волне	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 5 волн назад	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 10 волн назад
2010	57,5	36,8	24,2
2011	79,6	40,8	24,6
2012	80,7	40,1	24,5
2013	84,6	40,1	25,5
2014	87,6	47,0	30,1
2015	84,3	54,4	29,1
2016	87,7	61,2	33,0
2017	89,6	65,6	33,9
2018	90,7	68,8	34,2
2019	90,4	66,6	34,8
2020	90,6	68,7	40,5
2021	92,0	71,1	46,1
2022	88,1	69,9	47,8
2023	92,7	70,6	51,4
2024	90,0	70,1	48,8

Важно оценивать и потери выборки — тех индивидов и их семьи, которые не были опрошены (см. рис. 3). Для этого в зависимости от задач используются различные способы оценки.

Рис. 3. Потери через год после опроса: доля опрошенных в каждой волне от числа опрошенных в предыдущей волне, в %

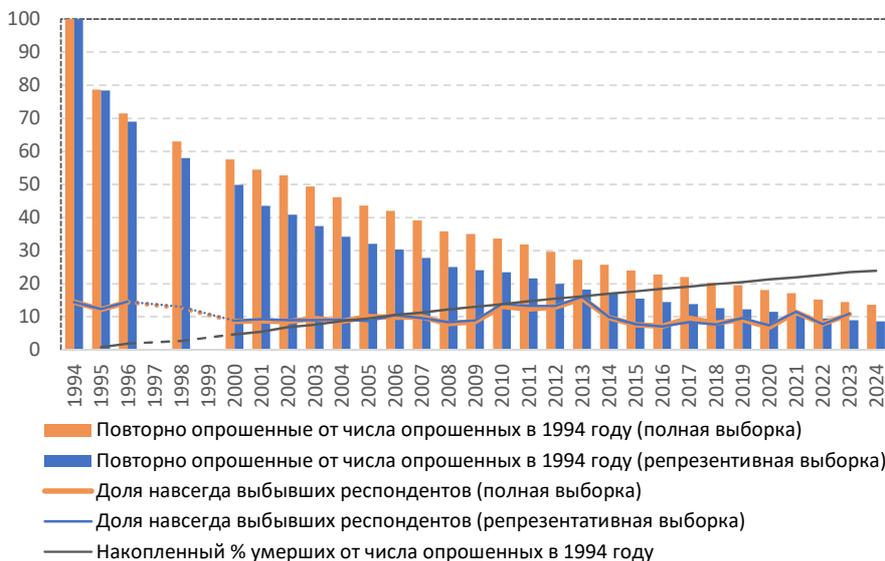

В 2010 г., как уже было отмечено выше, выборка была увеличена на 50%. Именно поэтому, учитывая, что повторная достижимость впервые опрошенных респондентов всегда ниже, чем ранее участвовавших, в следующем 2011 г. на-

блюдалась более высокая доля опрошенных по отношению к предыдущей волне. В 2014 г. зафиксировано пиковое значение доли опрошенных, напрямую связанное с принятым решением о сокращении выборки на 20 %⁵ на фоне снижения объема финансирования проекта.

Доля навсегда выбывших⁶ из обследования респондентов была наиболее высокой в первые четыре волны проведения обследования (1994—1998 гг.), поскольку на этом этапе не ставилась специальная задача поиска и опроса переживших семей. Затем доля навсегда выбывших оставалась достаточно стабильной до 2010 г., когда выборка была существенно увеличена (см. рис. 4). Предсказуемо, что наиболее высокий процент навсегда выбывших (16 %) мы видим среди респондентов 2013 г., поскольку в 2014 г. произошло сокращение выборки. Кроме того, обратим внимание на увеличение этого показателя в 2021 г. — это время разгара эпидемии COVID-19. Отметим также, что показатель, фиксирующий навсегда выбывших респондентов, включает и долю умерших (о смерти которых сообщили родственники при последующих опросах), которая ежегодно составляет 0,7—1,1%. В целом выбывание респондентов, опрошенных в 1994 г., представляется естественным и плавным. Наибольшие потери произошли после первой волны, дальнейшее снижение происходило без резких изменений. Накопленный процент смертей от числа опрошенных в 1994 г. за весь период наблюдений составил около 25 %⁷.

Рис. 4. Динамика доли опрошенных индивидов для всех опрошенных и опрошенных по репрезентативной выборке, в % к волне 1994 г.

⁵ Число опрошенных по репрезентативной выборке домохозяйств в 2013 г. составляло 6148, в 2014 г. — 4872.

⁶ На данном графике навсегда выбывшим считается респондент, не принявший дальнейшего участия в обследовании на момент 2024 г. Доля навсегда выбывших рассчитана от числа опрошенных в данной волне.

⁷ Факт смерти фиксировался на основании информации из карточки домохозяйства при опросе других членов семьи. Смерть одиноких респондентов, а также смерть в домохозяйствах, выбывших из обследования, не включалась в расчеты.

Рассматривая общую динамику соотношения опрошенных респондентов, важно оценивать ее как минимум с двух временных точек — начала обследования в 1994 (см. рис. П1 в Приложении) и увеличения выборки в 2010 г. (см. рис. П2 в Приложении), поскольку добавление более 2500 новых домохозяйств оказало существенное влияние на описываемые процессы. В целом «осыпание» выборки происходит естественно и достаточно синхронно на обоих графиках, в то же время нетрудно заметить, что первый график демонстрирует более интенсивную динамику. В первые несколько волн с 1994 г. сохранять более 50 % опрошенных удавалось на протяжении шести волн, в то время как с 2010 г. — уже на протяжении десяти-двенадцати волн. Это связано прежде всего с тем, что в массиве 2010 г. заметную долю составляли ранее опрошенные — в отличие от респондентов 1994 г., каждый из которых принимал участие в исследовании впервые. Также ситуация улучшилась благодаря опыту интервьюеров и супервайзеров, чей труд вносит неоценимый вклад в проект. Кроме того, не стоит забывать, что в первые годы обследования, когда разрыв между обследованиями 1996 и 1998 гг., а также 1998 и 2000 гг. составлял два года, недостижимость отражала потери за два года, а не за один год, как в остальные волны.

С точки зрения организаторов обследования, сохранение панели является одной из сложнейших задач. При этом важно понимание внутренней структуры панели и динамики протекающих в ней процессов. Необходима регулярная и своевременная оценка процесса выбывания респондентов и домохозяйств из опроса, изучение их особенностей, поскольку качество и достоверность данных во многом зависят от того, насколько репрезентативной остается выборочная совокупность с течением времени.

На рисунках 5 и 6 представлена общая динамика соотношения опрошенных респондентов по волнам. В качестве «базы», принятой в данном случае за 100 %, были взяты репрезентативные данные каждой волны, далее показана динамика с учетом полной выборки. Именно так, как правило, строится набор данных для панельного анализа с целью проследить дальнейшую динамику какого-либо процесса⁸. График позволяет оценить потенциал для проведения панельных исследований, при этом видно, что данные последних лет дают большие возможности для анализа за счет большего числа повторно опрошенных респондентов. Можно заметить, что наиболее резкие потери респондентов наблюдаются после первичного участия. Каждый же следующий год участия в обследовании повышает вероятность дальнейшего сотрудничества.

График показан на двух рисунках: отдельно для волн, в которых целевая репрезентативная выборка составляла около 4000 домохозяйств (до увеличения в 2010 г.) (см. рис. 5), и отдельно для волн с целевой репрезентативной выборкой около 6000 (2010—2013 гг.), затем — 4800—4900 домохозяйств (с 2014 г.) (см. рис. 6). При уменьшении выборки с 6000 домохозяйств до 4800 домохозяйств в 2014 г. сокращения производились только в той части выборки, которая была добавлена в 2010 г. при увеличении выборки с 4000 до 6000. Это де-

⁸ При обратном подходе базовой волной выступает совокупность опрошенных по репрезентативной выборке, а в качестве данных, фиксирующих изучаемые процессы, выступают ретроспективные наблюдения, то есть данные из предыдущих волн.

лалось с целью сохранить неизменными панели, начавшиеся в волны с целевой репрезентативной выборкой 4000 домохозяйств. В волне 2024 г. опрошено 14—33 % респондентов из волн 1994—2009 гг., в то время как в последующие волны этот процент выше — от 89 % из волны 2023 г. до 47 % из волны 2014 г. и до 30 % из волны 2010 г.

Рис. 5. Доли опрошенных респондентов каждой из предыдущих волн в последующих волнах, в % к репрезентативной выборке базовой волны 1994—2009 гг.

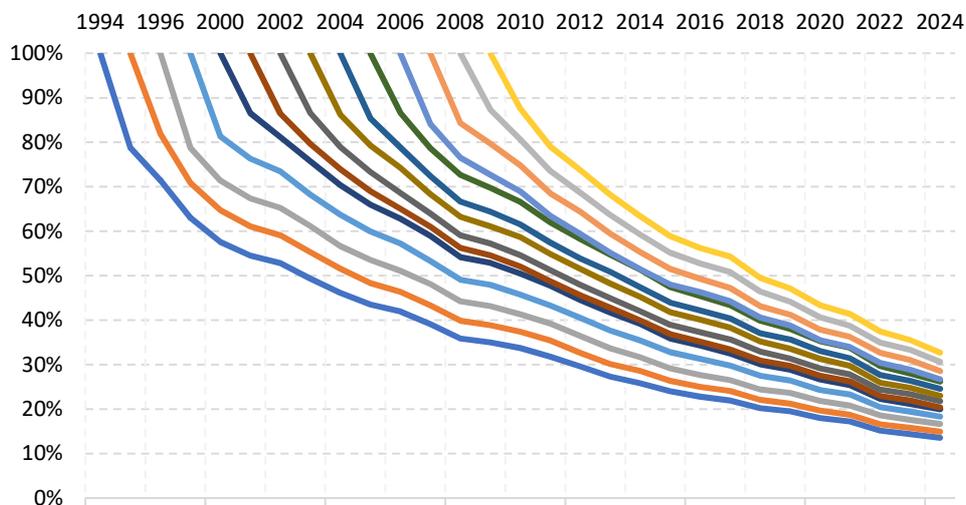
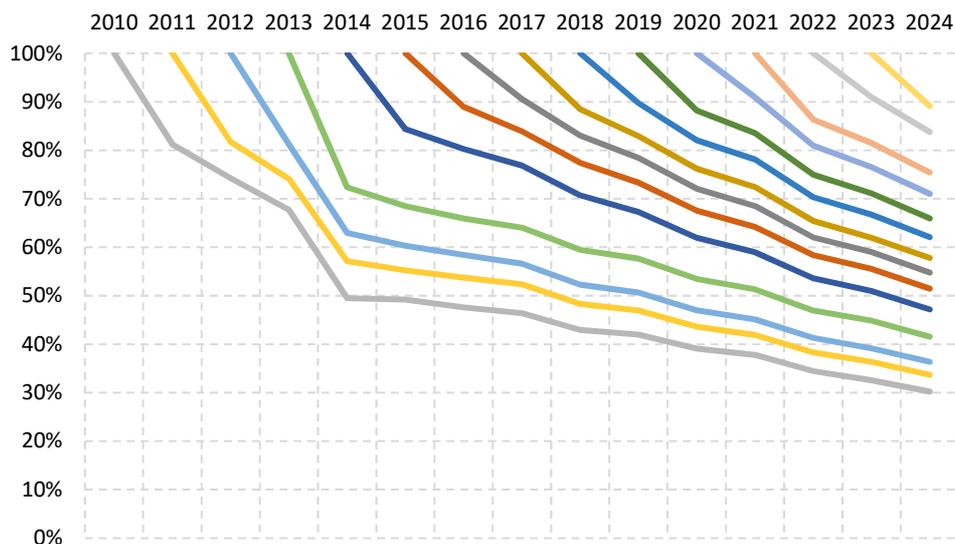

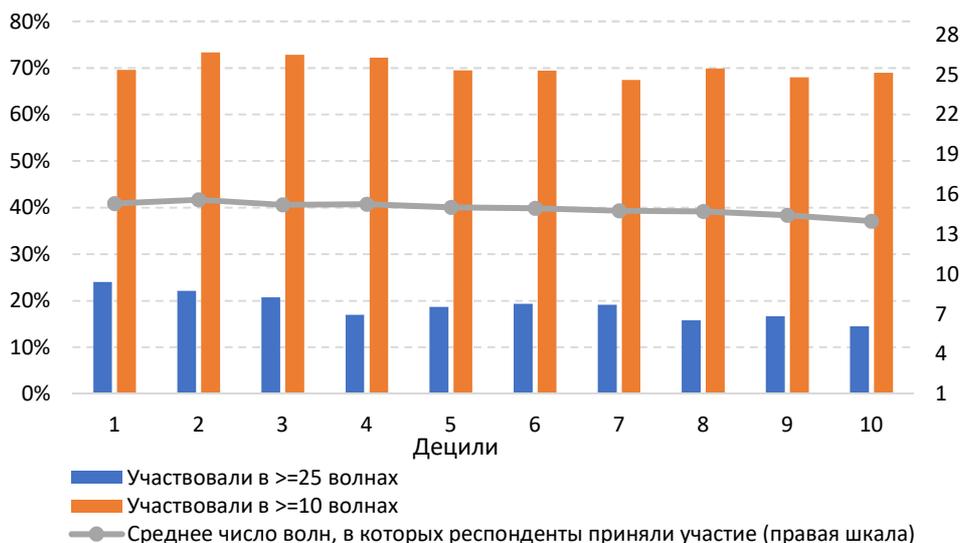
Рис. 6. Доли опрошенных респондентов каждой из предыдущих волн в последующих волнах, в % к репрезентативной выборке базовой волны 2010—2023 гг.

Предикторы, оказывающие влияние на выбывание из обследования

В исследованиях, посвященных выявлению предикторов, способствующих выбыванию из обследований, нередко выделяют показатели дохода⁹. Анализ распределения домохозяйств, на протяжении длительного периода участвующих в обследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ, по децилям среднедушевого дохода показывает небольшие, но статистически значимые различия для семей, участвующих не менее чем в 25 волнах (20,7—24,1% в трех нижних децилях и 14,5—16,7% в трех верхних децилях¹⁰), в то же время для семей, участвующих на протяжении десяти и более волн, картина иная — доли в нижнем и верхнем дециле почти равны, небольшое увеличение заметно со второго по четвертый дециль (см. рис. 7). Анализ числа лет участия в контексте распределения по децилям дохода дополняет представленные данные — в 2024 г. этот показатель составил 14,38 волны (медиана 14), некоторое снижение наблюдается в двух верхних децилях.

Рис. 7. Доли домохозяйств каждого дециля, участвовавших в 10 и более и 25 и более волнах, в % от участвовавших в волне 2024 г.

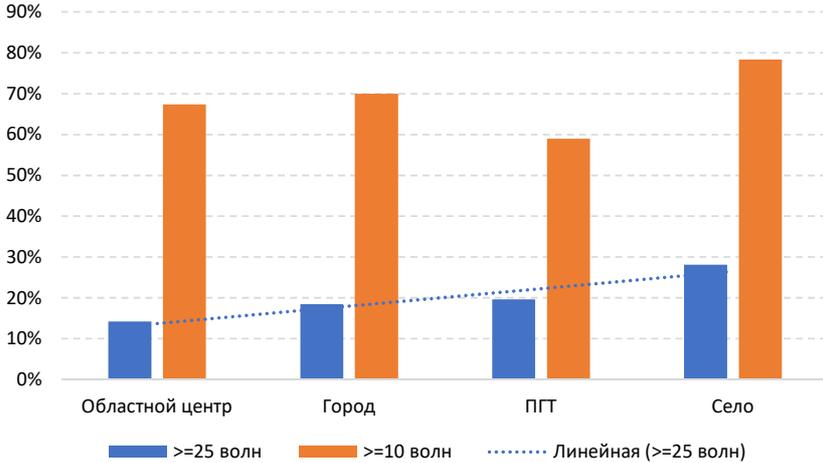

Одним из наиболее значимых показателей, оказывающих влияние на выбывание из обследования, является тип населенного пункта, в котором проводится опрос. Среди сельских домохозяйств доля тех, кто участвовал в 25 и более волнах, почти вдвое выше, чем среди домохозяйств из областных центров (28,1% и 14,3% соответственно). А для участвовавших в десяти и более волнах эта разница не столь заметна (78,4% и 67,3%) (см. рис. 8).

⁹ Например, [Lepkowski, Couper, 2001].

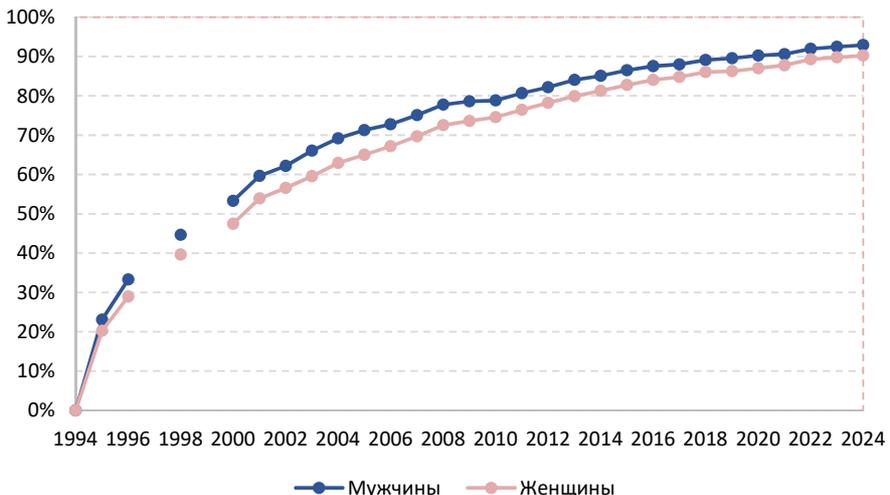
¹⁰ Доход фиксировался на момент последнего участия.

Рис. 8. Доли домохозяйств, участвовавших в 10 и более и 25 и более волнах, в населенных пунктах разного типа, в % от участвовавших в волне 2024 г.

Исключительно важно также оценивать, каких именно респондентов мы теряем в процессе. В первую очередь обратимся к изучению динамики выбывания респондентов в зависимости от пола (см. рис. 9). График показывает, что доля мужчин, выбывающих из исследования, стабильно выше, чем доля женщин, хотя в последние годы наблюдений это различие становится минимальным — около 3%. Это отражает общую тенденцию достижимости — женщины не только охотнее принимают участие в опросе, но и с большей вероятностью продолжают участвовать в последующих волнах.

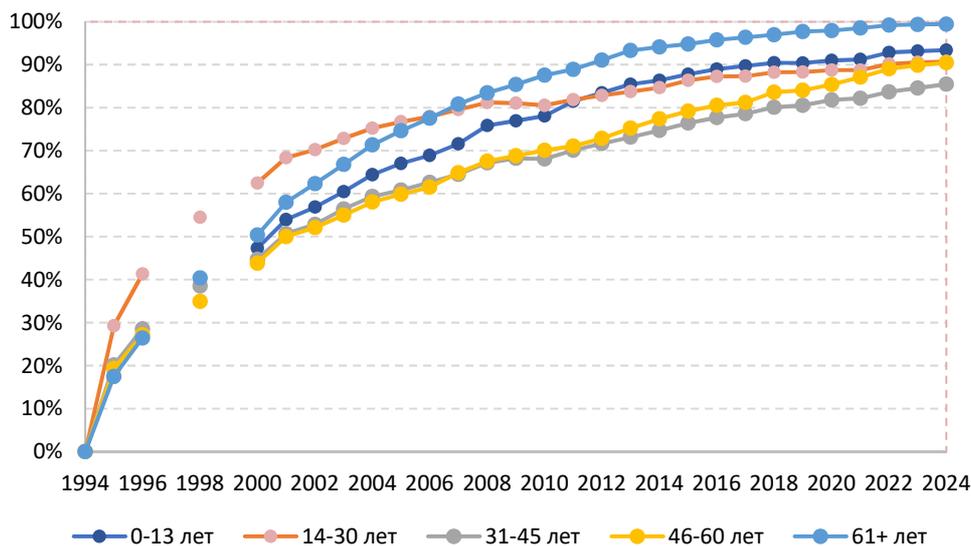
Рис. 9. Динамика доли выбывших мужчин и женщин, опрошенных ранее по репрезентативной выборке, в % к волне 1994 г.

Если мы оценим разницу между процентом мужчин и женщин, опрошенных в каждой прошлой волне от числа всех в каждой текущей волне, мы увидим, что вслед за включением в выборку новых домохозяйств эта разница растет, причем чем большее число новых домохозяйств включается, тем больше разница. Так было в 2001, 2006 и 2010 гг. соответственно (см. рис. ПЗ в Приложении).

Особый интерес представляет динамика доли респондентов, выбывающих из исследования, в зависимости от возрастных групп¹¹ (см. рис. 10). Наиболее динамична группа молодежи, которой на момент проведения волны 1994 г. обследования было от 14 до 30 лет. Наибольшая потеря респондентов в этой группе, почти 30 %, наблюдалась в 1995 г. Далее в течение нескольких лет эта группа оставалась наиболее уязвимой с точки зрения достижимости, ситуация изменилась лишь через десять лет (в 2004 г.), когда младшие члены этой группы достигли 24 лет. Эта ситуация объясняется тем фактом, что в выборку помимо обычных домохозяйств попадают студенческие общежития, жильцов которых маловероятно застигнуть в следующую волну. Кроме того, эта возрастная группа сама по себе достаточно мобильна — многие в этом возрасте покидают домохозяйства, в том числе уезжают на учебу в другие населенные пункты. Наиболее «сохранившейся» в выборке возрастной группой являются те респонденты, которым в 1994 г. было от 31 до 45 лет; спустя 30 лет подавляющее большинство из них — пенсионеры, которые с большей готовностью принимают участие в исследовании. В то же время наибольшие потери очевидно наблюдаются в старшей возрастной группе (61 и более лет) — к моменту проведения последней волны их доля сократилась до 0,5 %.

Рис. 10. Динамика доли выбывших респондентов, опрошенных ранее по репрезентативной выборке, в зависимости от возрастных групп, в % к волне 1994 г.

¹¹ Респонденты были разбиты на пять примерно равных по численности групп по возрасту на момент проведения волны 1994 г.

Методы борьбы со смещением выборки и процесс подготовки пользовательских файлов данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

«Осыпание» выборки — естественный кумулятивный процесс потери респондентов, проблема, с которой сталкиваются лонгитюдные обследования. Механизмы этого процесса, как правило, неслучайны, систематически одни группы покидают панель активнее, чем другие. Помимо физической потери респондентов (в результате смерти или переезда в другой населенный пункт) причины могут быть самыми разными, на подавляющее большинство которых исследователи не в силах повлиять. Последствием неравномерного выбывания разных групп респондентов может стать смещение результатов.

Одним из самых распространенных и доступных методов борьбы со смещением выборки является взвешивание данных. Для каждого наблюдения в файле индивидуальных данных для примера рассчитываются специальные весовые коэффициенты. Эти веса увеличивают «вклад» в анализ тех респондентов, которые по своим характеристикам похожи на неопрошенных.

Распространяемые данные РМЭЗ НИУ ВШЭ содержат вариант постстратификационных весов для индивидов (переменная *inwgt*), приводящих выборочную совокупность в точное соответствие с данными Росстата для года проведения интервью¹² по типу населенного пункта, полу и возрастной группе. Как показывает проводимый нами контроль выборочных ошибок РМЭЗ НИУ ВШЭ, в репрезентативных выборках каждой отдельной волны смещения достаточно незначительны, поэтому использование постстратификационных весов остается на усмотрение исследователей. Например, доля лиц с высшим образованием среди лиц 15 лет и старше в переписи населения Российской Федерации 2002 г. составляет 16,0% [Образование..., 2004]. В невзвешенных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ она составляет 16,9%, во взвешенных по этим постстратификационным весам — 17,1%. В переписи 2010 г. доля лиц 15 лет и старше с высшим образованием составляет 23,4%, в невзвешенных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ — 22,3%, во взвешенных — 22,5% [Итоги Всероссийской переписи..., 2012]. В переписи 2020 г. доля лиц с высшим образованием среди сельского населения шести лет и старше составляет 13,6%¹³, в РМЭЗ НИУ ВШЭ — 14,9% в невзвешенных данных и 14,2% во взвешенных. Неполнота данных переписи населения РФ 2020 г. по образованию для городского населения не позволяет корректно сопоставить их с соответствующими показателями РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Важно подчеркнуть, что веса, распространяемые с данными РМЭЗ НИУ ВШЭ, не являются обязательными к использованию или единственно возможными: любой исследователь может самостоятельно рассчитать требуемые ему весовые коэффициенты, принимая во внимание именно те характеристики генеральной совокупности, которые важны для проведения конкретного анализа.

¹² Для расчета весов для каждой волны использовались наиболее свежие доступные данные государственной статистики, а именно данные российских статистических ежегодников, ближайших к датам проведения интервью (раздел «Распределение численности мужчин и женщин по возрастным группам на 1 января» каждого года).

¹³ Итоги ВПН-2020. Т. 3. Образование // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 26.11.2025).

Помимо постстратификационных весов распространяемые файлы данных содержат ряд служебных и специальных переменных и расчетных показателей, необходимых для идентификации респондентов и подготовки данных к анализу¹⁴. Подготовка файлов для пользователей — важный и трудоемкий этап работы над проектом. Пройдя многоступенчатый процесс чистки данных, задача которого, с одной стороны, максимально сохранить полученную информацию, а с другой — устранить логические противоречия в рамках данных, полученных от индивида и его семьи в текущей и предыдущих волнах, файлы выкладываются в общий доступ. Для удобства пользователей данные предоставляются в нескольких форматах. Помимо файлов, содержащих отдельные волны, пользователям доступна объединенная база данных всех волн, охватывающая весь период обследования.

Кроме того, пользователям доступны дополнительные файлы данных, позволяющие оптимизировать подготовительный этап исследовательско-аналитической работы. Так, файл сконструированных переменных содержит более 150 показателей, в том числе расходы на разные типы продуктов, непродовольственные товары, обучение и воспитание, услуги и прочее, доходы от работы на разных типах предприятий, субсидий и льгот, пособий и других источников. Показатели представлены как в номинальном, так и в реальном выражении¹⁵, что открывает возможности сопоставления показателей в динамике. Кроме того, в файле содержится типология домохозяйств, а также выделены различные демографические группы.

Файл идентификационных номеров индивидов за все годы обследования, представляющий собой перечень всех респондентов, хотя бы раз опрошенных по индивидуальному вопросу, с указанием для каждого респондента его уникального номера индивида и идентификационных номеров в каждой волне, расширяет возможности и значительно облегчает работу опытных пользователей, давая возможность объединять данные разных волн и проводить панельный анализ.

Данные с информацией о родственных отношениях — один из наиболее востребованных дополнительных файлов. Он позволяет пользователям без лишних усилий объединять и анализировать характеристики членов домохозяйства, дает возможность сравнения показателей внутри семьи. К файлу прилагается подробная инструкция, позволяющая объединять информацию о членах домохозяйства с основными данными в соответствии с конкретной исследовательской задачей.

Использование данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в публикациях

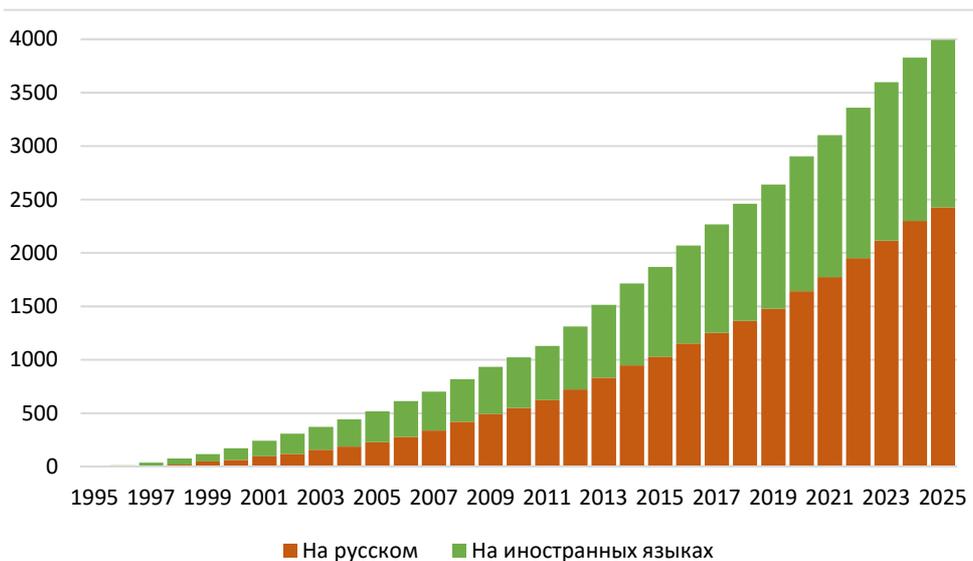
Высокие стандарты проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ и, как результат, высокое качество данных по праву оценены ведущими исследователями в области экономики, социологии, демографии и других наук. Число публикаций¹⁶ на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ ежегодно растет и в 2025 г. достигло отметки 4000, из них более 1500 на иностранных языках (см. рис. 11). На основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ защищено около 100 докторских и кандидатских диссертаций.

¹⁴ Файлы сводных данных. <https://www.hse.ru/rims/construct> (дата обращения: 26.11.2025).

¹⁵ Для вычисления показателей в реальном выражении используется дефлятор, рассчитываемый на основе Индекса потребительских цен, предоставляемого Росстатом (https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/prices/ipc.htm).

¹⁶ База публикаций на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ размещена на сайте. URL: <https://www.hse.ru/rims/bdp> (дата обращения: 26.11.2025).

Рис. 11. Динамика числа публикаций на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Важным преимуществом Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения является широта охвата социально-экономических показателей: в единую базу собрана информация не только о структуре доходов и расходов и материальном благосостоянии, но и занятости, миграционном поведении, состоянии здоровья, планировании семьи, образовательном поведении и пр. В программу мониторинга также включен целый ряд показателей, отсутствующих в государственной статистике, но имеющих высокую востребованность со стороны аналитиков.

Многогранность социально-экономических показателей в комплексе с панельной составляющей выборки позволяет в полной мере использовать потенциал данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, открывая необъятный исследовательский простор. Например, исследования бедности являются ярким примером того, как панельные данные позволяют не просто обозначить и оценить масштаб изучаемой проблемы, а выйти за рамки статистических срезов — используя данные нескольких волн, исследователи выделяют различные группы бедных («плавающие» группы, ситуационную, хроническую, длительную бедность) и проводят детальный анализ факторов, обуславливающих попадание и нахождение в этих группах в течение времени [World Bank, 1999; Тихонова, Слободенюк, 2014; Пишняк и др., 2021]. Выявление различных траекторий бедности исключительно важно при принятии решений о мерах поддержки.

Исследования мобильности или иммобильности по доходам фокусируются не только на низкодоходных слоях. Оценка шансов перемещения по доходной лестнице — один из аспектов широкой проблемы воспроизведения неравенства в обществе, проницаемости социальных границ [Мареева, Слободенюк, 2020]. А анализ мобильности по заработной плате дает ключ к пониманию гиб-

кости и адаптивности рынка труда [Лукьянова, 2017]. В то же время изучение изменения субъективного восприятия экономического положения, которое далеко не всегда совпадает с реальными перемещениями по объективной шкале дохода, позволяет приблизиться к пониманию динамики социального самочувствия [Мареева, Слободенюк, 2019].

Не менее интересные результаты получают исследователи, фокусирующие свое внимание на изучении горизонтальной мобильности, в том числе мобильности в рамках рабочих мест, профессий, отраслей и т. п. Исследование структуры и интенсивности этих потоков путем изучения трудовых траекторий работников, позволяет оценить подвижность рынка труда, выявить проблемы, определить наименее защищенные категории работников [Дороги..., 2016; Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина, 2018; Денисова, 2017].

Особое место среди работ, основанных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, занимают исследования, посвященные проблемам здоровья, изучению практик, ведущих к его сбережению или разрушению, в том числе с точки зрения инвестиций в здоровье как вклада в человеческий капитал и экономический рост. Примечательно, что экономическая отдача от здоровья существенно разнится в зависимости от уровня квалификации работника [Карцева, Кузнецова, 2022].

Важные выводы получили также исследователи, обратившиеся к изучению влияния алкоголя и других негативных факторов на здоровье. Исключительное значение для анализа также имеет возможность сопоставления показателей индивидов внутри домохозяйства, что открывает возможности межпоколенных исследований [Дорофеева, Козырева, 2024; Kondratenko, 2025] и исследований, направленных на изучение взаимного влияния поведения членов семьи [Колегова, Рощина, 2021].

Уже на протяжении 15 лет раз в два года исследователи из разных стран, работающие с данными РМЭЗ НИУ ВШЭ, встречаются на Международной конференции пользователей¹⁷ — мероприятии, на котором у них есть уникальная возможность обсудить результаты своих исследований, получить обратную связь от коллег, выдвинуть новые гипотезы и высказать свои предложения. Юбилейная конференция 2025 г., посвященная 30-летию проекта, собрала более 300 участников в рамках девяти тематических секций.

Заключение

Проект РМЭЗ НИУ ВШЭ развивается и адаптируется к постоянным вызовам. Он имеет целый ряд достоинств, но и не лишен недостатков, справиться с которыми в силу финансовых и организационных ограничений непросто. Главным достоинством проекта является возможность получить репрезентативные данные о населении Российской Федерации за любой год, начиная с 1994 г., сравнить эти данные и при этом проследить изменения не только на уровне массива в целом, но и на уровне отдельных семей и индивидов. Достаточно высокая повторная достижимость ранее опрошенных респондентов позволяет формировать

¹⁷ Седьмая Международная конференция пользователей данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE). URL: <https://www.hse.ru/rhms/conference2025#info> (дата обращения: 09.10.2025).

панельные массивы с высокой сохранностью их состава для ретроспективного анализа. Качество и надежность данных РМЭЗ НИУ ВШЭ подтверждает, что они, собранные независимо с использованием вероятностной, а не квотной выборки, без какого-либо взвешивания хорошо согласуются по основным социально-демографическим характеристикам с данными государственной статистики в течение всех волн обследования. Высокий уровень общей достижимости и очень небольшая доля неотвечивших на отдельные вопросы дает исследователю возможность получить информацию о населении России непосредственно от жителей страны.

Недостатки и ограничения РМЭЗ НИУ ВШЭ включают в себя прежде всего небольшой объем выборки (4000—6000 домохозяйств, это 9000—17000 индивидов в репрезентативной выборке всей Российской Федерации в каждой из волн). Этот объем выборочной совокупности и соответствующая ему структура выборки не позволяют получать репрезентацию населения какого-либо отдельного, даже самого большого региона. Как и во многих массовых обследованиях, проводимых путем опроса респондентов, в данных РМЭЗ НИУ ВШЭ ожидаемо наблюдается некоторый дисбаланс в сторону меньшей представленности наиболее мобильных групп (главным образом молодых мужчин) и перепредставленности женщин пенсионного возраста. Высокая повторная достижимость, в том числе и в репрезентативной выборке, дает возможность проведения панельного анализа на индивидуальном уровне, но из-за нее происходит естественное старение и панельного, и репрезентативного массива. Тем не менее значения рассчитанных как пример постстратификационных весов, приводящих данные репрезентативной выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ в точное соответствие данным государственной статистики по месту проживания, полу и возрастной группе, на протяжении 29 волн ни для одной из 20 групп¹⁸ каждой волны никогда не выходили за диапазон 0,75—1,5, а в большинстве групп на протяжении всех волн они находятся в диапазоне 0,9—1,1¹⁹. Кроме того, ресурсы исследования позволяют находить переехавших респондентов только в рамках населенного пункта или ближайшего областного центра, в котором проводится опрос, однако при переезде за его пределы респонденты выбывают из обследования. Это ведет к потерям наиболее мобильных социальных групп и в панельном массиве. Другим неоднократно отмечаемым недостатком проекта, связанным в первую очередь с ограничением объема вопросников, является небольшой набор субъективных показателей на фоне достаточно широкого спектра показателей объективного характера.

Несмотря на все сложности и недостатки, проект РМЭЗ НИУ ВШЭ на протяжении многих лет остается для исследователей уникальным и, что исключительно важно, общедоступным источником данных. Качество данных поддерживается на неизменно высоком уровне благодаря слаженной работе команды проекта, опирающейся на международный опыт проведения лонгитюдных обследований. основополагающей стратегией сохранения панели является подготовка интер-

¹⁸ 20 групп для расчета весов включают: 5 возрастных групп (0—14, 15—29, 30—44, 45—59, 60+ лет) * 2 группы по полу (мужской и женский) * 2 группы по типу населенного пункта (город и село).

¹⁹ Подробнее о весах в обследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ см.: <https://www.hse.ru/rfms/faq/weights> (дата обращения: 09.10.2025).

вьюеров и поддержка интервьюерской сети по всей стране на протяжении уже более 30 лет, в том числе сохранение контакта в периоды между опросами.

По завершении полевого этапа начинается многоступенчатый этап подготовки данных для пользователей. Пользователям предоставляется вся необходимая сопутствующая документация (вопросники, кодификаторы, коудбуки, описание переменных и др.)²⁰, а также специализированные файлы данных²¹, созданные для удобства исследовательской работы, в том числе для решения нетривиальных задач. Для начинающих пользователей подготовлен специальный блок обучающих материалов, в который включена серия семинаров для самостоятельного изучения возможностей данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, получения практических навыков работы с базой. Для более опытных пользователей размещены записи семинаров, посвященных объединению данных (семейных, индивидуальных, данных разных волн). Кроме того, совместно с Центром трудовых исследований НИУ ВШЭ подготовлена и размещена на сайте серия обучающих роликов, рассматривающих методику расчета ряда экономических показателей²².

Многообразие социально-экономических показателей открывает широкие возможности для проведения исследований, в том числе междисциплинарных. Проблемы и вызовы современности редко укладываются в рамки одной дисциплины, именно поэтому междисциплинарная природа, заложенная в структуре данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, нередко становится ключом к пониманию сложных социально-экономических и демографических процессов.

РМЭЗ НИУ ВШЭ — единственное в России лонгитюдное обследование домохозяйств с панельной составляющей. Изначально проект, запущенный в период радикальных трансформаций, фокусировался на получении достоверной картины последствий реформ для населения страны. Накопленный за более чем 30-летний период объем данных не только позволяет проводить глубокий анализ происходящего, но и становится историческим свидетельством социально-экономической ситуации в стране для будущих поколений.

Список литературы (References)

1. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22. № 4. С. 489—530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530>.
Gimpelson V., Kapelyushnikov R., Sharunina A. (2018) Low Paid Jobs in the Russian Labour Market: Does Exit Exist and Where Does It Lead to? *HSE Economic Journal*. Vol. 22. No. 4. P. 489—530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530>. (In Russ.)
2. Денисова И. А. Выход старших возрастных когорт с рынка труда: анализ методами дожития. Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 22—49.

²⁰ Документация к данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rfms/doc> (дата обращения: 20.09.2025).

²¹ Файлы сводных данных. URL: <https://www.hse.ru/rfms/construct> (дата обращения: 20.09.2025).

²² Обучающие видео. URL: <https://www.hse.ru/rfms/video> (дата обращения: 20.09.2025).

- Denisova I. A. (2017) Exit of Senior Age Cohorts from the Russian Labour Market: a Survival Analysis Approach. *Population and Economics*. Vol. 1. No. 1. P. 22—49. (In Russ.)
3. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынке труда. Препринт WP3/2016/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). URL: https://www.hse.ru/data/2016/02/29/1125640811/WP3_2016_02_f.pdf (дата обращения: 01.07.2025).
Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I., Sharunina A. V. (2016) “The Roads We Take”: Mobility in the External and Internal Labour Markets. Preprint WP3/2016/02. Moscow: HSE Publishing House. (Series WP3 “Problems of the Labour Market”). https://www.hse.ru/data/2016/02/29/1125640811/WP3_2016_02_f.pdf (accessed: 01.07.2025). (In Russ.)
 4. Дорофеева З. Е., Козырева П. М. Межпоколенческая трансляция практик вовлеченности родителей в развитие детей // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 4. С. 33—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.4.2>.
Dorofeeva Z. E., Kozyreva P. M. (2024) Intergenerational Transmission of Parental Involvement Practices in Child Development. *Sociological Journal*. Vol. 30. No. 4. P. 33—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.4.2>. (In Russ.)
 5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.
Results of the 2010 All-Russian Population Census: in 11 vols. (2012) Moscow: Information and Publishing Centre “Statistics of Russia”. (In Russ.)
 6. Карцева М. А., Кузнецова П. О. Было бы здоровье, а остальное приложится? Эмпирическая оценка отдачи от здоровья в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5. С. 55—70. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-4>.
Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. (2022) Stay Healthy And — Will the Rest Follow? The Impact of Health on Wages in Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 5. P. 55—70. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-4>. (In Russ.)
 7. Колегова И. Е., Рощина Я. М. Миллениалы и их родители: сравнение субъективных социальных статусов // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) / под ред. П. М. Козыревой. Вып. 11. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 122—152. <https://doi.org/10.19181/rllms-hse.2021.3>.
Kolegova I. E., Roshchina Ya. M. (2021) Millennials and Their Parents: A Comparison of Subjective Social Statuses. In: Kozyreva P. M. (ed.) *Bulletin of the Russia Longitudinal Monitoring Survey — HSE (RLMS-HSE)*. Iss. 11. Moscow: HSE University. P. 122—152. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/rllms-hse.2021.3>. (In Russ.)
 8. Лукьянова А. Л. Мобильность по заработной плате: до глобального кризиса и после // Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. Р. И. Капелюшниковой, В. Е. Гимпельсона. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 292—334.

- Lukyanova A. L. (2017) Wage Mobility: Before and After the Global Crisis. In: Kapelyushnikov R. I., Gimpelson V. E. (eds.) *Mobility and Stability in the Russian Labour Market*. Moscow: HSE Publishing House. P. 292—334. (In Russ.)
9. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. Т. 131. № 3—4. С. 100—115. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. (2020) Stuck in Poverty and Preserved Wealth: Individual Income Mobility in Russia. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Debates*. Vol. 131. No. 3—4. P. 100—115. (In Russ.)
10. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова): сб. материалов междунар. науч. конф. (Москва, 28—30 ноября 2019 г.) / под ред. М. К. Горшкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 394—399. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. (2019) Relative Income Mobility of Russians in Objective and Subjective Dimensions: Specifics and Challenges for Social Policy. In: Gorshkov M. K. (ed.) *The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (to the 90th Anniversary of V. A. Yadov): Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 28—30, 2019)*. Moscow: FCTAS RAS. P. 394—399. (In Russ.)
11. Образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Федер. служба гос. статистики. Т. 3. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Education. Results of the 2002 All-Russian Population Census: in 14 vols. (2004) Vol. 3. Book 1. Moscow: Statistical Information Centre “Statistics of Russia”. (In Russ.)
12. Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А., Горяйнова А. Р. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. Pishnyak A. I., Khalina N. V., Nazarbaeva E. A., Goriainova A. R. (2021) The Level and the Profile of Persistent Poverty in Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 2. P. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. (In Russ.)
13. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 36—49. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. (2014) The Heterogeneity of Russian Poverty through the Prism of the Deprivation and Absolute Approaches. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 36—49. (In Russ.)
14. Kondratenko V. (2025) Parental Drinking Patterns and Adolescent Alcohol Consumption: Considering the Role of Sex and Developmental Stage. *Journal of Adolescence*. Vol. 97. No. 4. P. 1014—1025. <https://doi.org/10.1002/jad.12474>.

15. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. (2016) Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994—2013. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 45. No. 2. P. 395—401. <https://doi.org/10.1093/ije/dyv357>.
16. Lepkowski J. M., Couper M. P. (2001) Nonresponse in Longitudinal Household Surveys. In: Groves R. M., Dillman D. A., Eltinge J. L., Little R. J. A. (eds.) *Survey Nonresponse*. New York, NY: Wiley and Sons. P. 259—272.
17. World Bank. (1999) Russia — Targeting and the Longer-Term Poor. Vol. 1: Main Report. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/713851468777993685> (accessed: 12.10.2025).

Приложение

Рис. П1. Динамика соотношения опрошенных респондентов в 1994—2009 гг., в % и число впервые опрошенных домохозяйств

	1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
1994	100,00	78,74	71,47	63,03	57,60	54,50	52,82	49,36	46,19	43,56	41,99	39,10	35,91	35,00
1995	83,34	100,00	81,95	70,99	64,79	61,16	59,04	55,32	51,52	48,23	46,32	43,24	39,89	38,87
1996	77,10	83,53	100,00	78,96	71,60	67,54	65,36	61,22	56,81	53,58	51,14	48,03	44,17	43,14
1998	66,66	70,93	77,40	100,00	81,77	76,71	73,75	68,54	64,05	60,33	57,41	53,79	49,33	48,16
2000	59,25	62,96	68,26	79,53	100,00	86,83	81,59	76,29	70,44	66,14	62,59	58,93	54,10	52,71
2001	50,76	53,82	58,30	67,56	78,63	100,00	87,28	80,47	73,90	69,03	64,67	60,74	55,75	54,10
2002	47,62	50,28	54,61	62,87	71,51	84,48	100,00	87,02	78,54	73,14	67,97	63,44	58,26	56,51
2003	44,03	46,62	50,62	57,81	66,17	77,07	86,11	100,00	85,42	78,79	72,92	67,43	61,96	60,04
2004	41,25	43,47	47,03	54,09	61,17	70,86	77,81	85,52	100,00	85,85	78,47	72,31	66,06	63,87
2005	40,19	42,04	45,82	52,63	59,33	68,37	74,85	81,49	88,68	100,00	85,40	78,03	71,24	68,46
2006	32,27	33,63	36,43	41,73	46,77	53,37	57,95	62,83	67,53	71,14	100,00	84,91	76,48	72,70
2007	30,43	31,80	34,65	39,59	44,59	50,75	54,77	58,83	63,02	65,83	85,98	100,00	84,16	79,43
2008	28,90	30,34	32,95	37,54	42,34	48,17	52,02	55,91	59,54	62,16	80,09	87,04	100,00	87,73
2009	28,24	29,63	32,26	36,75	41,35	46,87	50,58	54,31	57,71	59,88	76,33	82,35	87,95	100,00

Число впервые опрошенных домохозяйств (правая ось).

Строки: % всех опрошенных в N-й текущей волне от числа всех опрошенных в N-й прошлой волне.

Столбцы: % всех опрошенных в N-й прошлой волне от числа всех в N-й текущей волне.

Рис. П2. Динамика соотношения опрошенных респондентов в 1994—2009 гг., в % в соотношении с числом впервые опрошенных домохозяйств

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
2010	100,00	82,06	74,98	68,06	52,64	51,41	49,63	48,27	44,60	42,94	39,90	38,30	34,93	32,83	30,48
2011	79,65	100,00	82,74	74,44	59,46	56,90	55,08	53,55	49,37	47,39	43,87	41,98	38,34	36,21	33,55
2012	71,02	80,75	100,00	81,70	65,08	61,99	59,91	57,92	53,20	51,08	47,29	45,26	41,35	38,99	36,16
2013	66,78	75,26	84,63	100,00	73,95	69,91	67,13	64,80	59,70	57,43	53,10	50,82	46,38	44,01	40,78
2014	61,16	71,17	79,82	87,56	100,00	84,53	80,52	76,95	70,22	66,36	60,95	57,93	52,69	49,92	46,12
2015	59,54	67,90	75,79	82,52	84,27	100,00	89,23	84,27	76,80	72,32	66,68	63,25	57,40	54,35	50,26
2016	56,48	64,58	71,98	77,85	78,88	87,67	100,00	90,58	81,79	76,99	70,84	67,26	60,95	57,70	53,40
2017	54,35	62,13	68,86	74,37	74,59	81,94	89,63	100,00	87,25	81,42	74,89	71,09	64,39	60,75	56,46
2018	52,21	59,54	65,75	71,22	70,75	77,62	84,13	90,69	100,00	89,51	82,21	78,07	70,43	66,30	61,48
2019	50,74	57,70	63,74	69,17	67,51	73,80	79,96	85,45	90,38	100,00	88,82	84,14	75,75	71,26	65,95
2020	48,11	54,50	60,21	65,25	63,26	69,43	75,06	80,19	84,69	90,62	100,00	91,50	81,82	76,82	71,13
2021	46,44	52,44	57,93	62,79	60,45	66,21	71,66	76,54	80,86	86,31	92,00	100,00	86,82	81,36	75,17
2022	42,99	48,62	53,73	58,18	55,82	61,00	65,92	70,38	74,05	78,89	83,51	88,14	100,00	90,93	83,63
2023	41,19	46,81	51,65	56,28	53,91	58,89	63,62	67,69	71,07	75,66	79,94	84,20	92,70	100,00	89,30
2024	38,54	43,71	48,26	52,54	50,20	54,87	59,32	63,39	66,40	70,55	74,58	78,39	85,91	89,98	100,00

Число впервые опрошенных домохозяйств (правая ось).

Строки: % всех опрошенных в N-й текущей волне от числа всех опрошенных в N-й прошлой волне.

Столбцы: % всех опрошенных в N-й прошлой волне от числа всех в N-й текущей волне.

Рис. ПЗ. Динамика разницы по полу опрошенных в N-й прошлой волне от числа всех в N-й текущей волне, в % в соотношении с числом впервые опрошенных домохозяйств (правая ось)

